

Эпос о Гильгамеше — сокровищница поэзии Двуречья — создавался на протяжении тысячелетий двумя народами — шумерами и аккадцами. Сохранились отдельные шумерские песни о Гильгамеше и Энкиду. У них один и тот же противник Хумбаба (Хувава), охраняющий священные кедры. За их подвигами следят боги, в шумерских песнях носящие шумерские имена, в эпосе о Гильгамеше — аккадские. Но в шумерских песнях отсутствует связующий стержень, найденный аккадским поэтом. Сила характера аккадского Гильгамеша, величие его души не во внешних проявлениях, а в отношениях с естественным человеком Энкиду. Эпос о Гильгамеше — это величайший в мировой литературе гимн дружбе, которая не просто способствует преодолению внешних препятствий, но преображает, облагораживает.

Дитя природы Энкиду, знакомясь с благами городской цивилизации, силой судеб сталкивается с царем Урука Гильгамешем, человеком эгоистичным, избалованным властью. Равный ему по физической силе, но цельный по характеру, неиспорченный естественный человек одерживает над Гильгамешем моральную победу. Он уводит его в степь и в горы, освобождает от всего наносного, превращает его в человека в высшем смысле этого слова.

Главным испытанием для Гильгамеша оказывается не столкновение с хранителем дикого, не тронутого топором кедрового леса Хумбабой, а преодоление искушений богини любви и цивилизации Иштар. Могущественная богиня предлагает герою все, о чем он мог только мечтать до встречи с Энкиду, — власть не в одном городе, а во всем мире, богатство, бессмертие. Но Гильгамеш, облагороженный дружбой с человеком природы, отвергает дары Иштар и мотивирует свой отказ доводами, которые мог бы выдвинуть Энкиду: порабощение ею свободных животных — обуздание свободолюбивого коня, изобретение ловушек для царя зверей льва, превращение слуги-садовника в паука, делом которого становится беспросветный труд.

Таким образом, впервые уже на заре цивилизации была выдвинута идея, которую затем на протяжении веков и тысячелетий будут открывать заново поэты и мыслители, — идея враждебности цивилизации и природы, несправедливости освященных богами отношений собственности и власти, превращающих человека в раба страстей, самыми опасными из которых были нажива и честолубие.

Развенчивая заслуги Иштар в освоении природы в интересах цивилизации, автор поэмы превращает честолубца Гильгамеша в бунтаря-богоборца. Прекрасно понимая, откуда

исходит опасность, боги принимают решение уничтожить Энкиду. Умирая, дитя природы проклинает тех, кто способствовал его очеловечению, которое не принесло ему ничего, кроме страданий.

Казалось бы, смерть Энкиду — конец всему. И на этом естественно бы кончить повествование о Гильгамеше, возвратив его в родной Урук. Но автор поэмы заставляет своего героя совершить новый, самый выдающийся подвиг. Если ранее Гильгамеш обличал одну богиню Иштар, то теперь он восстает против решения всех богов умертвить Энкиду и отправляется в подземный мир, чтобы вернуть другу жизнь. Этим самым он восстает и против вековой несправедливости — боги удержали бессмертие только для самих себя.

Проблема жизни и смерти, как это ясно из погребальных обрядов самых отдаленных времен, всегда волновала человечество. Но впервые в мировой истории ее постановка и решение даются на уровне трагического понимания мыслящим человеком несправедливости разлуки с миром и близкими людьми, неприятия им непреложного закона уничтожения всего живого.

Молодой Маркс, живший в эпоху, когда еще не были открыты тексты Шумера и Аккада, высоко ценил образ героя греческой мифологии Прометея, говоря, что это «самый благородный святой и мученик в философском календаре». Теперь нам известно, что у богоборца Прометея был великий предшественник Гильгамеш. Подвиг Гильгамеша, превосходящий все, о чем мог помыслить смертный, не приводит к желаемому результату. Но, и потерпев поражение, Гильгамеш остается непокоренным и продолжает вызывать у каждого чувство гордости своей человечностью, верностью дружбе, отвагой.

Таблица I

Там, где светлый Евфрат к морю воды стремится, высится город Урук. Стен мощнее его нет в целом мире нигде, словно бы не один их правитель воздвиг, а сразу семь мудрецов вложили в них дух свой и труд. На эти стены взойдя, между зубцов пройдишь, кирпичи ощупай рукой. Вспомни о Гильгамеше, повидавшем все до края вселенной, сообщившем о временах до потопа, обошедшем все горы, в дальний путь ходившем и в свой вернувшемся город, где он храм Эанну построил.

Был Гильгамеш Урука царем, на две трети богом, на одну треть человеком. Среди смертных не имел он равных и не знал, куда приложить свою силу. Буйствовал днем и ночью с верной дружиной, сына родителю не оставляя, а матери — дочери. И взмолился народ великой богине Аруру:

— Ты, породившая Гильгамеша, в дар ему давшая непомерную силу, сотвори мужа, чтобы был ему равен. Пусть Гильгамеш с ним отвагой сравнится. Пусть соревнуется в силе, чтоб мы покой вкусили.

И вняла этой просьбе Аруру. Создала она в сердце своем подобие Ану. Потом руки в воде омыла, глины ком отщипнула, кинула в степь и руками своими слепила Эн-киду. Было тело его шерстью покрыто густою. На голове волосы, как у Нисабы¹. Вместе с газелями пасся в степях он, со зверьем теснился у водопоя, радуя влагой сердце, как все твари земные.

Однажды у водопоя узрел его юный ловчий. Увидел и застыл без движения. Сердце его заколотилось, побледнели ланиты. Домой возвратившись, ловчий отцу поведал о том, что его напугало.

Родитель, мудростью не обделенный, сыну совет преподавал:

— Послушай, о сын мой! С мужем, которого встретил, тебе совладать не удастся. Но обитает в Уруке, стеной огражденном, величайший воитель, богам бессмертным подобный. Как камень небес сильны его руки. Ступай же, мой сын, к Гильгамешу, под очи его явившись, и обо всем без утайки поведай.

Явился ловчий в Урук и о том, что в степи увидел, Гильгамешу поведал.

Призадумался царь, и лицо его стало ночи темнее, перерезали лоб морщины. Но вот лицо просветлело от мысли и от решения, что ниспослали боги. Герой направился к храму, к дому владычицы Иштар, воле которой и люди, и звери степные покорны. При виде царя блудницы, что в храме встречаются с теми, кто ищет милости Иштар,

высыпали навстречу и каждая взглядом и жестом пыталась привлечь внимание. Но он подозвал одну лишь Шахмат, что среди прочих красотой своей выделялась.

— Нет, не за тем я явился, — сказал Гильгамеш ей строго, — за чем чужеземцы приходят в храм ваш знаменитый. Ты должна будешь храм покинуть и отправиться в степь, где недавно у меня появился соперник. Искусством, которым владеешь, привлеки его дикое сердце, пусть он побредет за тобою, как ягненок на шатких ножках за маткой своею плетется или как жеребенок в поле бежит за своей кобылицей.

Проходят шесть дней, и каждый из них показался герою долгим, как месяц. Забросив дела и забавы, которыми тешил сердце, царь ждал у ворот, надеясь, что женщину львы не тронут, что, встретившись с исполином, не знающим женской ласки, она одержит победу и в Урук укажет дорогу.

Таблица II

И вот он вдали увидел шагающего исполина. Все тело его шерстью покрыто. На голове волосы, как у Нисабы. Широки его плечи, руки и ноги мощны, словно кедры, которые доставляют в город с гор далеких Ливана. А где же блудница? Плетется за исполином она, как ягненок на шатких ножках, как жеребенок в поле за маткою-кобылицей.

Вот клич раздался, всем в Уруке знакомый. Услышав его, обычно мужья запирали двери, чтоб на глаза Гильга-мешу жены не попадались, отцы дочерей уводили и прятали где попало. Теперь же открыты двери. Забыты былые страхи. Бегут горожане к стенам, чтоб с высоты увидеть схватку великих героев. И очень многие в сердце победу желают пришельцу. Быть может, ему удастся освободить их от страха, и новый правитель Урука спокойнее прежнего будет?

Меж тем герои схватились, пытаясь свалить друг друга. Ноги их в землю вошли по колена. Застонала земля от боли, какой от рожденья не знала. Вдуплись героев жилы. Тяжелым стало дыхание. Капли соленые пота покрыли их лоб и щеки.

— Что мы, словно бараны, уперлись? — выдохнул первым царь и мышцы ослабил.

И вот они друг против друга стоят, обсыхая на солнце. Не только люди Урука, но даже Шамаш, что обходит весь мир от времен начала, схватки такой не видел.

— Ты вразумил меня силой, — сказал Гильгамеш Энкиду. — Прежде я думал, что одолею любого. Но равными мы оказались. Зачем же нам ссора?

Увидев героев, идущих в обнимку, народ Урука побежал им навстречу, вынес корзины с хлебами, поднес кувшины с сикерой с поклоном.

— Что это? — спросил Энкиду, лицо обратив к блуднице. — Что это, подобное камню, который водою сглажен?

— Хлеб это, пища людская! — Шахмат Энкиду сказала. — Вкуси, рожденный в пустыне, и будешь подобен людям.

— А это? — спросил Энкиду, прикоснувшись к кувшину.

— Испей! — отвечала блудница. — И сразу пустыню забудешь, в которой с газелями пасся. Это питье, веселящее душу. Пьющий его бессмертным богам подобен.

Досыта хлеба Энкиду искушал. Сикеры испил семь кувшинов. Веселилась душа. Лицо сияло. Он ощупал свое волосатое тело. Умастился елеем, подобно людям. Одеждой оделся. Стал человеком. Шли дни. Гильгамеш водил друга по Уруку. Показывал дома и храмы. Энкиду ничему не удивлялся. Лицо выражало скуку. И вдруг слезы хлынули из глаз потоком.

— Что с тобой, брат мой? — спросил Гильгамеш.

— Слезы душат мне горло, — отвечал Энкиду. — Без дела сижу. Иссекает сила. Задумался Гильгамеш:

— Есть дело.

— Что за дело? — спросил Энкиду. Слезы его высохли мгновенно, как роса от взора Шамаша. — Я слышал, что где-то у моря в лесу кедровом живет Свирепый Хумбаба, леса хранитель. Если его уничтожить, се зло мы из мира изгоним.

— Я знаю тот лес, — Энкиду ответил. — Был я там по соседству, когда бродил со зверями. Ров там прорыт вок-руг всего леса. Кто проникнет в его середину? Голос Хум-бабы сильнее бури. Уста его — пламя. Неравен бой в жилище Хумбабы.

— Хочу я подняться на гору кедра, — вещал Гильгамеш. — С тобою вместе мы Хумбабу осилим.

И призвал царь мастеров, которыми славен Урук, огражденный стенами, и к ним обратился:

— О, мастера! Раздуйте горнила мехами! Пусть пылают жарким огнем! Бросьте в них зеленые камни, что с остро-вов доставляют. И когда выльется медь, изготовьте секи-ры, что нам по руке, кинжалы отлейте большие. Поклонились царю мастера. И взметнулся над Уруком огонь, и издали город казался огненной печью. Узнав, что замыслил владыка, люд Урука дома поки-нул. Впереди шагали старцы степенно. И шум голосов собравшихся был подобен говору вод при разливе Евфрата.

И вышел царь из дворца вместе с Энкиду. Руку подняв, к народу он обратился:

— Слушайте, старцы Урука! Народ Урука, слушай! Хочу я увидеть того, чье имя, словно огнем, весь мир опалает. В кедровом лесу Хумбабу хочу победить я. Кедра я нарублю и имя свое прославлю.

Отвечали старцы все вместе:

— Ты молод еще, Гильгамеш, и зову следуешь сердца. Хумбаба могуч. Рвы его лес окружают. Хумбабу кто одолеет? Бой с ним неравен.

Услышав эти слова, Гильгамеш оглянулся, взглянул на Энкиду:

- Мне ли теперь бояться Хумбабы, о старцы? По круче один не пройдет — двое взберутся. Скрученный вдвое канат порвется не скоро. Два львенка льва одолеют. Сильною друга обрел я. Готов я с ним вместе пойти на врага на любого.

Таблица III

Побратимов старейшины благословили, на дорогу им слово сказали:

— На силу свою ты, Гильгамеш, не надейся. Будь хладнокровен и точен в движениях. Впереди же пусть шагает Энкиду, ибо степей он ведает тропы и к кедрам дорогу отыщет. Друга ты береги, Энкиду, на дороге неровной подставь ему спину, будь в сражениях первым. Ты лучше законы их знаешь. Тебе мы царя поручаем, вернуть ты Гильгамеша обязан.

Когда друзья покинули город, из уст Гильгамеша такое вырвалось слово:

— Друг, давай посетим Эгальмах, чтобы предстать пред очами богини великой Нинсун². Нет ничего ей сокрытого в мире.

Явившись в Эгальмах, в дом Нинсун вступили. Гильгамеш ей молвил с поклоном:

— О, мать! Я вступил на дорогу, исход которой в тумане. С Хумбабой хочу я сразиться, с грозным хранителем кедров. Не возвращусь я, покуда в мире зло остается. Так вознеси же, богиня, к Шаматгу свой взор и голос! Слово за нас перед ним замолви!

Героев одних оставив, в покои ушла богиня. Тело свое омыла Нинсун мылящим корнем, переменяла одежды и ожерелье надела, что груди ее достойно, лентой опоясалась, голову увенчала тиарой и взошла по ступеням на кровлю. Там она совершила возлияние в честь Шамаша и руки к нему воздела:

— Шамаш, справедливый и светлый, освещающий небо и землю. Зачем ты мне дал Гильгамеша? Зачем неумное сердце ты в грудь ему вставил? Зачем подвиг на дорогу, что жизни его угрожает? Зачем Гильгамешу схватка со злом, что в мире гнездится? Но если ты это сделал, возьми же о нем попечение! Помни о нашем сыне, свой путь дневной совершая! Когда же во мрак уходишь, поручи его стражам ночи!

Произнеся молитву, богиня к побратимам вернулась. Энкиду на шею талисман надела, а сыну вручила каравай волшебный, ею самой испеченный, сказав, что его на дорогу хватит обоим.

Таблица IV

И двинулись побратимы дорогою торной Шамаша, его хранимые взглядом. День завершив, на привал остановились, отломили ломоть, за ним другой отломили и съели. К утру каравай стал круглым, словно бы вышел из печи.

И еще один день прошли, и снова ломоть отломили, за ним другой отломили и съели. К утру каравай стал круглым, словно бы вышел из печи.

Путь шести недель к третьему дню проделав, они увидели гору. Гильгамеш на гору поднялся, чтобы воздать ей молитву о сновиденье:

— Гора! Гора! Пришли мне сон вещий и благоприятный, чтобы дойти нам до цели, страха не зная, чтобы узнать, чьей победой кончится схватка.

К подножью горы опустившись, Гильгамеш увидел Энкиду. Время не тратя даром, Энкиду шалаш поставил, на птичье гнездо похожий, из листьев устроил ложе. Гильгамеш присел на листья, подбородком уперся в колено, сон одолел героя — удел человека. Энкиду, сидя снаружи, охранял его неусыпно, пока не услышал в полночь взволнованный голос друга.

— Ты звал меня, мой охранитель? — Гильгамеш спросил у Энкиду. — Если не звал, почему я внезапно проснулся? Во сне я увидел гору, под которой шалаш ты поставил. Мы стоим с тобой у обрыва, и гора на нас обвалилась. Объясни этот сон, Энкиду!

Энкиду, на миг отвернувшись, чтобы скрыть от друга тревогу, начал сна толкованье:

— Друг мой, твой сон прекрасен, он для нас драгоценен. Все, что во сне ты увидел, мне не внушает страха. Мы схватим злого Хумбабу, повалим, словно с горы обрушим. Бросим его останки хищникам на поруганье. Теперь же ляжем, чтоб утром встретиться взглядом с Шамашем и слово его услышать.

И снова двинулись в путь побратимы. День завершив, на привал остановились, перед ликом Шамаша вырыли колодец, воды из него достали, от хлеба один ломоть отломили, другой ломоть отломили, утолили голод и жажду. Гильгамеш снова в сон погрузился и, проснувшись, о сновиденье поведал:

— Во сне я увидел землю, всю в морщинах глубоких, словно лоб у старца. Были чем-то напуганы звери. От кого-то они спасались. Я за быком погнался, за рог его ухватился. Он привел меня к водопою. Наклонился я, чтоб напиться, и, поднявшись, быка не увидел.

— Друг мой! Твой сон прекрасен, — вещал побратиму Энкиду. — Тебе ведь не бык явился, а сам Шамаш пре-светлый, что на исходе дня исчезает, бог, что спас Лу-гальбанду, когда он в горах остался. Шамаш утолил твою жажду, чтоб мы совершили деянье, которого мир не ведал. — И снова идут побратимы торной дорогой Шамаша, его хранимые взглядом.

Таблица V

И вот они ров переходят, что лес окружает кедровый, вступают под сень деревьев. Все тихо вокруг. Хумбаба неслышно к героям крадется. Могучее тело одето в волшебные одеянья. Смерть они излучают. Но что это? С чистого неба внезапно ударила буря. Шамаш, заметив опасность, восемь выпустил ветров. Загромыхали громы. Молнии пересекались, словно мечи великанов. И завертелся Хумбаба, как щепка в водовороте. Из пасти его разверзнутой вырвался вопль ужасный. И с ним вместе мольба о пощаде.

— Не слушай его, о друг мой, — проговорил Энкиду. — Чудовище это злое достойно уничтоженья. Но надобно обезвредить сначала его одеянья. Смерть они излучают. Без них Хумбаба не страшен.

— О нет! — Гильгамеш ответил. — Если поймашь птицу, не разбегутся цыплята. Они соберутся у трупа, и мы их легко одолеем.

Топор Гильгамеш свой поднял, весящий три таланта, из-за пояса выхватил меч свой, топором Хумбабу ударил прямо в затылок. Энкиду топор свой поднял, Хумбабу он в грудь ударил. На третьем мощном ударе упал Хумбаба на землю. Чудовища буйные члены больше не шевелились. И кедровые деревья вдруг закачались и застонали, как люди, ибо погиб их блюститель.

— Теперь за цыплят возьмемся! — сказал Гильгамеш, и сразу одно одеяние сорвал он с тела Хумбабы и в яму с водою бросил. И в яме вода закипела, пар испуская горячий. Энкиду же сеть набросил на шесть остальных одеяний, которые, словно змеи, ползли по траве, и в ту же швырнул их яму.

— Теперь возьмемся за кедры! — сказал Гильгамеш, и секирой он по стволу ударил.

Кедровый лес задрожал от удара. Лицо закрывая руками, Энкиду упал на землю.

— Что ты делаешь, друг мой?! Тело живое ты губишь. Я чувствую запах крови. Сходна она с людскою, только иного цвета.

Таблица VI

Энкиду, в сон погруженный, бродил по степи с газелями вместе, Гильгамеш, пробудившись, умылся, кудри со лба на спину закинул, со всем грязным расстался, в чистое облачился. Своей красотой блистая, он сел возле спящего друга. С неба Иштар спустилась. В сердце свирепой львицы зашевелилось нечто, что ей показалось новым, хотя оно посещало много раз ее прежде. С такими словами она обратилась к герою:

— Хочу, Гильгамеш, чтоб супругом ты стал моим. В дар получишь ты от меня колесницу — золотые колеса, янтарные дышла. И впрягут в нее ураганы мулов могучих. Подвезут они тебя к нашему дому. И только на порог его вступишь, опьянят тебя кедры смолы ароматом. Ты увидишь то, что другим недоступно. На престоле сядешь из золота. Пред тобою колени преклонят земные цари и владыки. Понесут тебе дань все холмы и равнины. Одарят тебя козы и овцы двойней и тройней. Твой осел даже с ношей онагра догонит. И будут твои колесницы первыми в беге, и волам под ярмом в мире равных не будет.

— Замолчи! Не возьму тебя в жены! — прервал Гильгамеш богиню. — Ты подобна

жаровне, что гаснет в холод. Дверь ты худая, что ветер снаружи впускает. Дом, что обрушился на владельца, слон, свою растоптавший попону, смола, которой обварен ее носильщик, мех дырявый, сандалия, жмущая ногу. Лучше вспомни, кого ты любила и кто сохранил о любви твоей благодарность. Думузи, кого ты любила первым, год за годом несет страданья. Птичку-пастушка ты любила — лупила его, обломала крылья. Он обитает средь леса, его наполняя воплем: «Крылья! Где мои крылья?» Могучего льва ты любила. Что от любви получил он: в степи семью семь ловушек. Конь тебе полюбился, отважный в битвах. Загнала ты его в конюшню, уздой наградила и плетью, лишила ручьев прозрачных, мутной водой напоила, до упада скакать приказала. Еще пастуху-козопасу любовь свою подарила. Пек тебе он в золе лепешки, сосунков приносил ежедневно. Ты ж его превратила в волка. Подпаски его гоняют, собаки, овец охраняя, его хватают за ляжки. Был любим тобой Ишуллану, хранитель отцовского сада. Приносил он фиников грозди тебе по утрам к постели. Твои он отверг притязанья, в паука ты его превратила, осудила ткать паутину меж деревьев, земли бояться³. А теперь твоя похоть ко мне обратилась. Ты поступишь со мною, как с теми.

Услыхав эти речи, разъярилась богиня, прямо в небо взвилась осою и предстала перед тронном небесным родителя Ана.

— О, отец мой! — она завопила, рыдая. — Оскорбил Гильгамеш меня. Все прегрешенья мои перечислил. Посрамил он меня, и пусть будет наказан.

— Но ты первая оскорбила царя Гильгамеша своим предложением.

— Пусть он будет наказан! — богиня взревела. — Сотвори быка, чтобы он растоптал нечестивца в его покоях. Если смертные будут нас оскорблять, бессмертных, оскудеют дары, что приносят они ежедневно, зашатается трон твой, отче! Потому ты помочь в моей мести должен. Если не пожелаешь, опущусь я в нижнее царство и оттуда выпущу мертвых, чтоб они всех живых пожрали.

— Я согласен! — промолвил Ану в испуге. — Будет бык для тебя, только мертвых оставь в нижнем мире, чтоб с живыми они не смешались.

И в то же мгновенье мановеньем руки владыки небес бык был создан могучий, и погнала

богиня его прямо на землю в ей ненавистный город. Евфрата достигнув, выпил бык его воду в семь глотков и посуху вступил он в Урук. От дыхания его яма возникла. Сто мужей в эту яму упали. От второго дыхания его еще одна яма разверзлась. В ней погибли двести урукцев. Шум услышав, вышли быку навстречу друзья-побратимы. Энкиду, бросившись сзади, быка за хвост ухватил, и бык повернулся. Гильгамеш ударил его кинжалом между рогами. Бык свалился на землю уже бездыханный. И тем же кинжалом Гильгамеш бок быка распорол и огромное вытащил сердце. В дар Шамашу его он принес.

Забравшись на стену Урука, голосила владычица Иштар:

— Горе тебе, Гильгамеш! Ты меня опозорил, убивши быка!

Услыхал эти речи Энкиду, вырвал хвост у быка и швырнул богине прямо в лицо со словами:

— Будь ты поближе, с тобой бы расправился я по-свойски, обмотал бы кишками быка, которого ты на Урук напустила.

Зарыдала богиня и призвала блудниц городских, что ей верно служили, быка оплакать. Гильгамеш же созвал мастеров, чтоб оправить бычьи рога. В них входило масла шесть мер. Это масло герой подарил отцу своему Лугальбанде, рога же прибил над ложем.

Руки оmyв, прошли побратимы по улицам людным Урука. Затем Гильгамеш во дворце пир великий устроил. Утомившись, рядом герои уснули.

Таблица VII

Среди ночи проснувшись, Гильгамеш свой сон рассказал побратиму:

— Мне небесный дворец приснился. В нем — бессмертных богов собрание. Беседу вели три бога — Ану, Энлиль и Шамаш, наш покровитель, Ану Энлилю молвил:

— И зачем они быка умертвили, что мною был создан? Но не в этом одном их прегрешенье. Они похитили кедры Ливана, которые охранял Хумбаба. Пусть за это жизнью заплатят.

— Нет! — возразил Энлиль. — Пусть один Энкиду умрет. Гильгамеш достоин прощенья.

— За что же должен быть он наказан? — Шамаш в беседу вмешался. — Не твоим ли, Энлиль, решением уничтожены были и бык, и Хумбаба?

— Помолчал бы ты лучше, убийц защитник! — Энлиль взъярился. — Знаю, что ты их советчик.

Этот рассказ услышав, побледнел Энкиду и отвернулся. Его губы трепетали, как мушиные крылья. По лицу Гильгамеша слезы катились.

— Не пойму я, — молвил Энкиду, — почему умереть я должен. Не рубил я кедров и тебя убеждал их не трогать. Почему на меня обрушится кара?

— Не волнуйся! — Гильгамеш сказал побратиму. — Умолю я богов, чтобы жизнь тебе сохранили. Я на их алтари свои принесу богатства. Золотом и серебром их украшу кумиры.

И слышался с неба печальный голос Шамаша:

— Золота и серебра не трать, Гильгамеш, по-пустому! Слово вымолвленное в уста не возвратится. Решенья своего бог никогда не отменит. Такова судьба человечья! Люди уходят из мира бесследно.

— Что ж! Готов я уйти! — согласился Энкиду. — Но прошу я тебя, о Шамаш, отомстить всем тем, кто меня человеком сделал. Пусть ловчий, что о встрече со мною поведал, будет наказан! Пусть у него рука ослабеет и тетивы натянуть не сможет! Пусть стрела из лука его летит мимо цели! Пусть зверье капканы его обходит! Пусть голодным весь век свой пребудет! Пусть проклята будет блудница, что привела меня в город! Пусть пьяный бродяга зальет ее лоно сикерой! Пусть с шеи ее сорвет и себе заберет ее красные бусы! Пусть кинет горшечник ей в спину глины комок! И пусть серебро в ее не удержится доме! Пусть пустырь на задворках будет ей ложем! Пусть она иной не знает защиты, кроме тени стены! И пусть ее по щекам лупцует калека! Пусть хулят ее жены, что сохранили верность супругам! Ибо, чистому, мне принесла она грязь и надо мной, безупречным, обман совершила.

— Ты, Энкиду, не прав, — Шамаш отозвался. — Твое проклятье блуднице снимаю. Ведь она кормила хлебом тебя, которого боги достойны. И поила питьем, что достойно царей. И дала она в побратимы тебе Гильгамеша. А теперь ты умрешь! И на ложе печали уложит тебя Гильгамеш. На нем окружит тебя царским почетом. И велит он оплакать тебя народу Урука. И с весельем, как это угодно богам, совершен будет скорбный обряд.

Таблица VIII

Едва занялось утра сиянье, Гильгамеш, стоя у ложа, пропел свой плач погребальный:

— Энкиду! Мой побратим! Твоя мать — антилопа, отец твой — онагр тебя породили! Молоком своим звери вспоили тебя на пастбищах дальних. В кедровом лесу тропинки, Энкиду, тебя вспоминают день и ночь неустанно. Крошатся уступы лесистые гор, по которым мы вместе взбирались! Истекают смолой кипарисы и кедры, среди которых мы вместе с тобой пробирались! Медведи ревут, стонут гиены и тигры, козероги и рыси, олени, газели и всякая тварь степная! И вместе с ними Евлей горюет священный, шаги твои помня, Энкиду, и светлый Евфрат, где мы черпали воду и наши меха наполняли. И плачут старцы в огражденном Уруке, что на битву нас с тобой провожали! Слез женщины унять не могут, на глазах которых мы быка убили. Рыдает тот, кто накормил,-тебя хлебом. Рабыня плачет, которая тебя умастила. И плачет раб, что с

вином подавал тебе чашу. Как же мне о тебе не плакать, если мы с тобой побратимы! Ты, Энкиду, топор мой мощный, мой кинжал безупречный, мой щит надежный, праздничный плащ мой, мои доспехи. Что за сон беспробудный владеет тобою? Темен ты стал, меня ты не слышишь. Тронул сердце твое, оно не бьется. Друг мой, кумир тебе я воздвигну, какого еще не было в мире.

Таблица IX

- Не насытивши сердце плачем, бежал Гильгамеш в пустыню. Достигнув холмов песчаных, упал он на землю. Сном он сразу забылся, но сон не вернул Энкиду. Проснувшись от львиного рыка, он видит, что львы резвятся, играют, словно щенята.

— Почему вам неведомо горе? — Гильгамеш ко львам обратился. — Где друг ваш, с которым вместе теснились у водопоя? Энкиду, который всех вас спасал, разрушая ловушки?

От львов не дождавшись ответа, схватил Гильгамеш секиру, упал как стрела между львами, беспмятных сокрушая⁴.

И снова он шел пустыней, покуда не показались горы⁵ — граница мира. Пробита в скале пещера и заперта медной дверью. Ту дверь охраняли стражи, ужасней которых людям едва ли представить можно. На тонких ногах паучьих скорпиона мохнатое тело, а голова — челевчья.

Сделалось страшно герою. Но, мужеством страх пересилив, он так говорит скорпиону:

— Открой мне двери, коль можешь. Нет на земле мне жизни. Друга хочу я увидеть, друга, что сделался прахом.

— Сюда нет смертным дороги и мертвым дороги тоже. Отсюда Шамаш выходит и, обойдя всю землю, с другой стороны заходит. И как ты пойдешь, подумай, путем самого Шамаша?

— Пойду, — Гильгамеш ответил, — как в печень печаль проходит. Пойду со вздохом и плачем, с мыслью одной об Энкиду...

Отворились бесшумно двери, уступив непреклонной воле. Вступил Гильгамеш в пещеру, и мрак охватил его душу. И шел он, шаги считая, чтобы измерить дорогу, какой проходило Солнце во мраке с заката к восходу. И то, что для Солнца было одною короткой ночью, для Гиль-гамеша стало дюжиной лет без света.

И все же рассвет забрезжил, и все же дыхание ветра щек Гильгамеша коснулось. Так, ветру идя навстречу, он вышел из мрачной пещеры. Его взору роща открылась. С деревьев плоды свисали, похожие на земные, которые дивной красою смертным радуют сердце. Рукою к ним потянувшись, Гильгамеш свои пальцы поранил, оставив капельки крови на мертвом плода подобьи. И стало ему понятно, что деревья окаменели, стволы стали черным камнем, а лазуритом листья, плоды топазом и яшмой, рубином и сердоликом, что сад этот сделан мертвым, чтоб душам о сладкой, о верхней жизни напомнить⁶.

Таблица X

Покинув обманную рощу, Гильгамеш Океан увидел, великую нижнюю бездну. Над бездной утес узрел он, на утесе дом невысокий, без окон, с плоскою кровлей. К нему подошел он и видит, что двери дома закрыты, но не укрылось от слуха чье-то дыхание за дверью.

— Кто здесь? — спросил он громко.

— Прочь уходи, пришелец! — послышался голос женский. — Сюда нет входа бродягам. Здесь я, хозяйка Сидури, самих богов принимаю, их угощаю сикерой.

— Я не бродяга безвестный, — герой хозяйке ответил, — хоть и все на свете увидел. Зовут меня Гильгамешем. Из города я Урука, который мною прославлен. С другом своим Энкиду убил я злого Хумбабу, что лес охранял кедровый. Мы также быка сразили, что послан на нас был с неба. Я львов могучих рассеял, что памяти не имеют и не скорбят, как люди. На две трети бог, на треть — человек я.

И тотчас дверь отворилась. Из дома вышла хозяйка, такое молвила слово:

— Ты, убивший Хумбабу и быка поразивший, который был послан с неба, почему лицо твое мрачно? Почему твои щеки впали? Почему голова поникла?

— Как голове не поникнуть я лицу не увянуть, — Гильгамеш ответил хозяйке, — если мой друг Энкиду, с которым труды мы делили, стал землею, если младший брат мой, великий ловчий пустыни, гонитель онагров горных и пантер пятнистых, сделался прахом? Вот почему, как разбойник, я брожу по пустыне. Мысль о друге умершем не дает мне покоя.

— Не знаю, чего ты ищешь?! — хозяйка герою вещает. — Не знаю, к чему стремишься! Боги, создав человека, его сотворили смертным. Бессмертье себе удержали. Оставь пустые заботы! Развей печальные думы! Свой насыщай Желудок. С друзьями сиди за чашей! Дай-ка наполню чашу тебе, Гильгамеш, на две трети.

— Не надо твоей мне сикеры! Советов твоих не ищу я. Скажи мне лучше, хозяйка, как перейти это море. Хозяйка герою вещает:

— От века здесь нет переправы. Свинцовые воды смерти Шамаш облетает, как птица, и проплывает на лодке лодочник Уршанаби, что перевозит мертвых. Знает он путь к Ут-напишти, который один из смертных жизнь сохранил навеки.

Простился герой с хозяйкой, стопы свои к лесу направив. Из лесу вышел к реке он и там челнок увидел и в челноке — Уршанаби⁷.

— Что бродишь, отставший от мертвых, — сказал Уршанаби герою. — Садись, я тебя доставлю туда, где царство умерших.

— Я не отстал от мертвых, — ответил герой Уршанаби. — Да, мои щеки увяли и голова поникла. Но бьется живое сердце в груди у меня. Послушай!

— Вот чудо! — сказал Уршанаби. — Действительно бьется сердце. Зачем же сюда явился?

— Пришел я, печалью гонимый, — Гильгамеш Уршанаби ответил. — Хочу отыскать я друга и сделать его бессмертным. Теперь посади меня в лодку и отвези к Ут-напишти.

— Садись! — сказал Уршанаби. — Доставлю тебя к Ут-напишти. Вот шест. Помогай, но воды не касайся, коль к месту хочешь добраться.

Расстегнул Гильгамеш свой пояс и, раздевшись, свою одежду привязал он к шесту, как к мачте. И погнало челн Уршанаби так, что гибельной влаги смерти Гильгамеш и шестом не коснулся.

Ут-напишти по острову ходит, окруженному водами смерти. Сотни лет путем неизменным он обходит свои владенья. Неподвижно свинцовое море. Не летят над островом птицы. Из волны не выпрыгнут рыбы. И к нему не приходят вести из страны, где он жил человеком. Только челн Уршанаби проходит, и в челне том души умерших. Это челн провожая взглядом, узнает Ут-напишти, что в мире все неизменно.

— Эй, жена! — крикнул вдруг Ут-напишти. — Что с глазами моими случилось? Посмотри, это челн Уршанаби. Но над ним поднимается парус. Испокон веков не бывало, чтобы парус здесь поднимали.

— Не волнуйся, глаза твои зорки, — Ут-напишти жена вещает. — Так же зорки они, как в те годы, когда ты гору увидел. И мои глаза видят парус. И мертвец этот парус держит. Посмотри, как бледны его щеки! Утонул мореход, наверно, что без паруса жить не может. И везет его Уршанаби в ту страну, где души умерших.

— Говоришь, что сама не знаешь! — отвечает жене Ут-напишти. — Много сотен лет наблюдаю, как провозят души умерших. Кто тут не был! И царь, и пахарь, и флейтист, и кузнец, и плотник. А провозят их без короны, без мотыги, без флейты. Посуди, кто у мертвого спросит, что он любит, чего не любит.

Гильгамеш на берег выходит, оставляя ладью Уршанаби. Он идет, и видно сразу, что с живой он душой, а не мертвый.

— Что ты ищешь? — спросил Ут-напишти. — Почему ты сюда явился, как живой, на челне для мертвых? Почему твои щеки впали? Почему голова поникла? Как дошел ты ко мне, ответствуй!

— Гильгамешем меня называют. Я из дальнего града Урука. На две трети бог, на одну — человек я. Вместе с другом моим Энкиду мы убили злого Хумбабу, что кедровый лес охраняет. Но, меня спасая от смерти, друг Энкиду стал ее жертвой. И ищу я его по миру, обойдя все моря и страны.

Покачал головой Ут-напишти и молвил печальное слово:

— Почему ты не хочешь смириться с человеческой жалкою долей? Для тебя на собрание бессмертных не оставлено было кресло. Ты пойми, что бессмертные боги — полновесные зерна пшеницы, ну а люди — только мякина. Людям смерть не дает пощады. Дом людской простоит недолго. Не навеки мы ставим печати. Даже ненависть наша мгновенна...

Таблица XI

— Ну а ты? — Гильгамеш Ут-напшти молвил. — Ничем ты меня не лучше. Утомившись, на спину ложишься. Сразиться с тобой мне не страшно. Расскажи, как ты на совете богов оказался, как жизни бессмертной добился.

— Что ж, — проговорил Ут-напшти. — Тебе свою тайну открою. Когда-то я жил на Евфрате. Я земляк твой и дальний предок. Я из города Шуруппака, что тебе хорошо известен. Решили как-то боги истребить на земле живущих. На собрание они явились, меж собою совет держали. После долгого спора их сердца склонились к потопу. Сделав выбор, они поклялись хранить его в тайне. Не нарушил той клятвы Эа, был я сердцу его любезен. И, на землю опустившись, он не мне эту тайну поведал, моему безгласному дому:

- Стены камыш, меня услышь. Стена, смекай, даю я знак. Покинуть должен Шуруппак
Твой господин, мой верный раб. И пусть построит он корабль, Поскольку от разлива вод
Испустит дух все, что живет. Пусть погрузит свое добро. Людей своих и серебро.

И я понял, что это Эа, светлоокий, стене повеленье передал, чтобы дать мне спасенье.
Много жертв приносил я Эа, вот меня он избрал из тысяч.

И я начал корабль строить, очертаньем похожий на ящик, четырьмя выделяясь углами. В его стенах заделал я щели и залил густою смолою. Разделил я на девять отсеков все пространство внутри. И много сосудов сладкой заполнил водою, запасаюсь различной пищей, готовясь к долгой осаде. И потом, всех зверей приведя по паре, заполнил ими отсеки, чтоб друг друга они не съели. Захватил мастеров и жен их с детьми. Сам с семьею взошел последним и закрыл за собою двери.

Встало утро. Выплыла туча. Так черна, что и сами боги черноты ее испугались.
Цепененье объяло землю. А потом обрушился ливень, колотя по кровле нещадно. Вскоре треск я услышал, как будто земля раскололась, как чаша. Мой корабль подняло волнами и погнало ветром свистящим.

Шесть дней, семь ночей носило и гнало корабль по морю. А потом успокоился ветер и затихло бурливое море. Я окошко открыл. Осветило лицо мне светило дневное. Расстилалось повсюду море. Я упал на колени. Я понял: человечество в глину вернулось.

А потом я в море открытом гору Ницир увидел и к ней корабль направил. Гора его удержала, не давая качаться. При наступлении дня седьмого вынес голубя и отпустил я. Вскоре голубь назад возвратился. Вынес ласточку и отпустил я. Не найдя, где сесть, она возвратилась. Вынес ворона и отпустил я. Ворон первым сушу увидел. Не вернулся он на корабль.

Вот тогда я корабль покинул. Оглядел все стороны света и молитву вознес бессмертным. семью семь поставил курильниц. Наломал в них ветвей пахучих, тростника, мирта и кедра. И зажег. И почуяли боги запах, который едва не забыли. И слетелись они, как мухи на мед, и курильницы окружили.

Был Энлиль один недоволен, что остались живые души. Мой покровитель Эа к нему обратился с укором:

— Ты напрасно потоп устроил. Коль людей появился излишек, напустил бы львов на них хищных. Мог призвать болезни и голод. А теперь покажи Ут-напшти и жене его место, где им жить, не ведая смерти.

Подошел Энлиль к кораблю, где я скрылся от страха перед богами, и, взяв за руку, вывел на землю и молвил:

— Человеком ты был, Ут-напшти, а теперь со своею женою ты богам бессмертным подобен. В отдаленье у устья потоков отныне твое жилище. Там и смерть тебя не отыщет.

Вдруг заснул Гильгамеш, и конца он рассказа не слышал. Сон дохнул в него мглою пустыни. И сказала жена Ут-напшти:

— Разбуди его! Пусть возвратится на землю! Покачал головой Ут-напшти:

— Пусть он спит, а ты зарубки на стене помечай дневные.

Миновало семь дней. И легло семь зарубок над головою Гильгамеша. Он проснулся, а проснувшись, сказал Ут-напшти:

— Овладела смерть моей плотью, ибо сон был смерти подобен.

— От усталости сон этот долгий, Гильгамеш. Семь дней проспал ты. Жизнь возвратится к тебе. Умойся у ручья. Шкуры рваные выбрось в море. Наготу прикрой белым льном и садись в челнок Уршанаби.

А когда Гильгамеш удалился, говорит жена Ут-напшти:

— Он ходил, уставал, трудился. Ты ж не дал ему ничего на дорогу. Разреши испеку ему хлеба.

— Того, у кого беспокойная печень, хлебом ввек не насытишь. Человек тот живет не хлебом, а дерзаньем своим безумным. Вместо хлеба я дам Гильгамешу одно потаенное слово.

Ключевой водою умылся Гильгамеш и сменил одежды. Стало тело его прекрасно. Но печать печали с лица его не сходила. В челнок Гильгамеш опустился, но отплыть не успел, как услышал он голос зычный:

— Есть цветок на дне океана с огненными лепестками на высоком колючем стебле. Если ты, Гильгамеш беспокойный, тот цветок знаменитый добудешь, не грозит тебе злая старость, тебя смерть обойдет стороною. Вот оно, потаенное слово, что дарю я тебе на прощанье.

Гильгамеш, это слово услышав, как стрела метнулся к колодцу, привязал к ногам своим камни и нырнул на дно океана.

Он увидел цветок прекрасный на высоком колючем стебле. И к цветку тому потянулся. Укололи шипы его руку, и окрасилось море кровью. Но он, боли не ощущая, вырвал с силой цветок тот и вскинул над головою, как факел. Отрезав тяжелые камни, из воды Гильгамеш поднялся. На сушу выйдя, к Уршанаби он обратился:

— Вот он, цветок знаменитый, что делает жизнь вечной, что старцу юность приносит. В Урук он будет доставлен. Я на людях его испытаю. Коль старец помолодеет, вкушу его, стану юным.

Побрели они по пустыне. У водоема присели. Чтоб остудить свое тело, Гильгамеш в водоем опустился. Когда же наверх поднялся, змею он увидел. Змея уползла, цветок унося, на ходу свою кожу меняя.

Гильгамеш залился слезами и сквозь слезы сказал Уршанаби:

— Для кого я страдал, трудился? Не принес для себя я блага. Не отыскать теперь Энкиду. Ни с чем я в Урук возвращаюсь.

Там, где светлый Евфрат к морю воды стремится, высится холм из песка. Город под ним погребен. Стала пылью стена. Дерево стало трухой. Ржавчина съела металл.

Путник, взойди на холм, в синюю даль взглядишь. Видишь, стадо бредет к месту, где водопой. Песню поет пастух. Нет, не о грозном царе и не о славе его. Поет о дружбе людской.

1 Нисаба — в шумеро-аккадской мифологии богиня урожая, дочь Ана. Она изображалась с распущенными волосами, в короне, украшенной колосьями. Из ее плеч вырастали колосья. В руке ее был плод финика — символ неистощимого плодородия.

2 Нинсун — по одной версии, мать, по другой — супруга Гильгамеша.

3 В рассказах о возлюбленных Иштар она не только богиня плодородия, но также богиня охоты, войны, покровительница культуры. Отсюда — пойманный ею лев, прирученный конь, животное войны, связь с садовником, превращенным затем в паука.

4 Гильгамеш считался противником львов и часто изображался на глиняных статуэтках сражающимся со львами. Этот зрительный образ был воспринят греками и воплощен в образе Геракла, считавшегося победителем чудовищного льва и изображавшегося в львиной шкуре.

5 Горы, через которые прошел Гильгамеш, по представлениям шумеров и аккадян, находились на краю света, поддерживая небесный купол. Через отверстие в этих горах бог солнца спускался после завершения дня в царство ночи, чтобы на следующее утро пройти через такие же горы с другой стороны земли.

6 В представлениях о саде подземного мира могли отразиться впечатления от посещения подземных пещер.

7 Образ лодочника — проводника душ, впервые возникший в мифах Двуречья, был воспринят этрусками, греками, римлянами, в мифах которых он носит имя Харун (Харон).